

·thebigbook·

ДЖ. М. ХЬЮИТТ

ИДЕАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х 98

J. M. Hewitt
THE PERFECT VILLAGE
Copyright © J. M. Hewitt, 2024
All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Хьюитт Дж. М.

Х 98 Идеальная деревня : роман / Дж. М. Хьюитт ; пер.
с англ. Е. Бутенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2025. — 384 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-26190-7

Волчья Яма – коттеджный поселок, обнесенный высокой металлической оградой. С виду он идеален, но что происходит на его задворках, там, где обитают старожилы, бывшие хозяева этих земель? Большинство из них живут замкнуто, и у каждого на то свои причины.

Есть они и у Вивасии Уильямс. Она потеряла всех, кто был ей дорог, а обрела... детей, о которых уже и не мечтала. Двое маленьких беспризорников, очень и очень странных, появились в ее доме будто ниоткуда. Вивасия готова на все, чтобы оставить их у себя, стать им матерью, но закон не на ее стороне, и как же трудно что-то скрыть от любопытных до чужой жизни соседей в замкнутой общине!

Особенно после того, как в старом колодце, затопленном ливневой водой, всплывает труп — и все жители Волчьей Ямы оказываются под подозрением...

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26190-7

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ВИВАСИЯ — СЕЙЧАС

Дети появляются утром в среду.

Первым их видит Роб Кейвер, а Вивасия сперва видит его. Он идет вдоль огороженного поселка перед самым восходом солнца. Ничего необычного: Роб гуляет часто и в любое время. Хотя сегодня у него за спиной большой рюкзак военного образца. Тот же самый, который он нес, когда приехал сюда год назад. С тех пор Вивасия не замечала, чтобы Роб с ним появлялся.

Он уезжает?

Вивасия, смотревшая на улицу из окна своего дома, отводит глаза. Она здесь не для того, чтобы пялиться на Роба. Ее внимание привлекает кое-что еще. Она ждала этого всю свою сознательную жизнь.

Сунув босые ноги в спортивные туфли, Вивасия сбегает вниз по лестнице, распахивает дверь и выскакивает на улицу.

Начало лета, но земля под ногами сырая: дождь беспрестанно лил неделями. Ряд бесплодных кустов ежевики образует первую линию живой изгороди охраняемого поселка, который Вивасия всю жизнь называла своим домом.

Роб Кейвер немного впереди. Теперь Вивасии ясно: он уезжает — намеренно вышел спозаранку, ведь как только взойдет солнце, появятся и жители. Роб уже знаком с ними со всеми, фактически он — один из них. Она знает: если его увидят с пожитками за спиной, то попытаются удержать.

«Да брось, приятель, давай еще по чашечке», — станет искушать его мистер Бестилл, глядя отчаянно слезящимися глазами.

В мире мистера Бестилла «чашечка» означает вино, пиво или что покрепче. Он тайный алкоголик, едва дееспособный человек, и Вивасия подозревает, что для сокрытия выдающих его мнимый секрет синих капилляров на носу и пожелтевших подглазий он пользуется тональным кремом покойной жены.

Иногда парни из гольф-клуба приходят на поле пораньше, чтобы успеть залепить пару мячей в лунки и помериться силами до завтрака в баре. Роб иногда присоединяется к ним, отчего нравится Вивасии немного меньше. Все эти типы не могут вырваться из ловушки, куда загнал их собственный образ жизни, они вкалывают по четырнадцать часов в день и получают проблемы с сердцем к сорока.

Вивасия издалека следит за Робом, который идет по главной улице, оставив позади несколько старых коттеджей, стоящих тут с того времени, когда их жильцы, включая Вивасию, владели всей землей в Волчьей Яме. Теперь он уже шагает мимо новых домов. Мак-особняки — так называют подобные здания в Америке. Здесь, в Соединенном Королевстве, они выглядят вычурными, претенциозными, этакое богатство напозаказ. Существует очень четкое различие между старыми и новыми владельцами и домами.

Вивасия поглядывает на особняки, не сбавляя шага. Они и правда великолепны, эти дома. Роскошные, эффектные. Гламурные, как и их обитатели.

Через несколько минут Роб оказывается у огромных двустворчатых ворот, встроенных в восьмифутовой высоты металлическую ограду, за которую заключена вся Волчья Яма. Вивасия притормаживает, чтобы Роб ее не заметил, и обводит взглядом эти смехотворные приспособления для безопасности. Калитка рядом с воротами ранним утром всегда открыта настежь. И это настоящий источник ужаса для новоселов. Жители Мак-особняков постоянно пишут жалобы. Старожилы, обитающие здесь со времен, когда никаких мер безопасности и в помине не было и даже не запирающие свои дома, пропускают мимо ушей вопли «вертолетных родителей»¹, которые день и ночь трясутся за своих малолетних отпрысков и страшатся нападения вооруженных грабителей в масках.

Роб выскальзывает за калитку. Вивасия — следом. Она тут же чувствует, как дышать становится легче. Всего один шаг — и она на воле. Здесь границы естественны, какими и должны быть: баррикады — из колючих кустов, заборы — из жгучей крапивы, барьеры — из остролиста.

Небо над головой сереет, переходя от ночи ко дню. Скоро снова пойдет дождь. Последние пять недель не-

¹ «Вертолетные родители» — родители, которые считают своего ребенка слишком уязвимым для окружающего мира и проблем, что приводит к повышенной тревожности за его благополучие и, как следствие, усилению опеки. Метафора появилась в 1969 году в книге-бестселлере «Между родителем и подростком» доктора Хаима Гинотта, где упоминается подросток, который жалуется: «Мама парит надо мной, как вертолет...» — *Здесь и далее примеч. перев.*

беса почти без перерывов опустошали себя, извергая на землю потоки воды.

Роб уже далеко впереди, и Вивасия сосредоточивается на своей главной цели. Она идет по дороге, справа от нее — огороженный поселок, слева — ничейная земля.

Мимо на скорости проносится машина — большой черный монстр — с ревущим мотором, шумно выпуская две струи выхлопа. Не иначе один из игроков в гольф мчится к первой лунке, громко заявляя о размерах своих мужских амбиций соседям, мнения которых на этот счет разделились: половина с презрением смотрит на гольфирующих парней, остальные, новички здесь, мечтают стать такими же.

Словно подтверждая мысли Вивасии, в окне старого дома за железной оградой вздрагивает штора. Белая рука сжимает ткань, и высовывается бледное лицо Джеки Дженкинс: рот перекошен от возмущения внезапным грохотом, поднятым нарушившей покой жителей черной машиной. Джеки — конченная дергательница штор. При каждом шуме, громком или не очень, она сразу же подскакивает к окну.

Вивасия чуть склоняет голову — род приветствия. Джеки хмурится и отпускает штору.

Сойдя с дорожки, Вивасия вступает под кроны деревьев, думая о Джеки и других соседях, которых знает всю жизнь. Сообщество странных аборигенов: Бестилл и Джеки, вдова Рут, Слепая Айрис... Они обитают рядом с теми, кого презирают, хотя продажа земли позволила им остаться в домах, по большей части принадлежавших их семьям на протяжении многих поколений. Все они неплохо нагрели руки, эти зем-

левладельцы, включая Вивасию. «На самом деле мы не отличаемся от тех, кого как будто ненавидим за жадность», — думает она сейчас. У них перед носом помахали фунтовыми купюрами, их банковские счета пополнились, а теперь они столкнулись с реальностью — рядом поселились люди совершенно другой породы.

Находясь где-то посредине или снаружи, в зависимости от того, как на это поглядеть, Вивасия долгие годы присматривалась к обеим точкам зрения. Иногда это забавно. Атмосферу в сообществе за высокой оградой она считает скорее угнетающей. И не стоит корить Роба за уход. Удивительно, что он продержался так долго.

Вивасия давно уже могла бы — ей даже следовало — сбежать отсюда. Она долго-долго тупо ждала. Чего — и сама не знала. Пока не поняла сегодняшним утром.

Вивасия видит: Роб уже у края леса. Волчья Яма осталась позади. Здесь пролегла невидимая граница странного маленького поселения.

Впереди и чуть левее солнце силится пробиться сквозь низкие серые клубящиеся облака — оранжевый шар в серебристой дымке. Удивительный свет, и Вивасия мгновение любит его сиянием, а потом какое-то движение на периферии поля зрения заставляет ее посмотреть в сторону.

Колодец Девы. Когда-то — источник чистой воды. В засушливом прошлом году он пересох, но теперь, наверное, полон. Он накрыт, никто им не пользуется, ему несколько сот лет. Сейчас это неровный ряд кирпичей, которые больше ушли в землю, чем возвы-

шаются над ней, образуя подобие полукруга в чаще леса.

Солнце нового дня бросает на колодец юные лучи, а пыльца с кукурузного поля мерцает в воздухе крошечными светлячками — оранжевыми, желтыми и коричневыми. Цвета осени в ярком свете раскисшего от воды лета, которое еще и не начиналось.

Но внимание Вивасии привлекли не парящие пылинки. В конце концов, они проплывали у нее перед лицом и, слипаясь в хлопья, оседали на волосах весь сезон дождей.

Что-то... Что-то мелькнуло там. Она видела, хотя, может, ей показалось. Вот только что и раньше, когда стояла у окна.

Некоторое время Вивасия не двигается, глядя, как Роб поднимается на высокий холм, за которым, бывало, исчезал ее муж, ночь за ночью, день за днем.

Приближаясь к вершине, Роб прижимает руку к груди. Вивасия вспоминает то утро, когда он появился здесь впервые. Какое крепкое у него было тело и как он без труда, с тяжелым рюкзаком за плечами, мог подняться на холм и даже не вспотеть.

Здесь на долю Роба выпало слишком много для одинокого мужчины. Старые девы кормили его калорийными кушаньями, оставляя кастрюльки и судки на красных ступенях арендованного им дома. «Степфордские жены»¹ из новеньких пытались противопоставить этим приношениям белковые коктейли и безвкусные семечки, что, вероятно, лишь заставило Ро-

¹ «Степфордские жены» — фантастический триллер А. Левина (1972); выражение стало нарицательным для описания женщин, которые стремятся стать идеальными домохозяйками и ставят интересы семьи превыше своих.

ба потянуться к жирной, богатой углеводами пище. Частенько случалось ему распить кружку пива с мистером Бестиллом, позавтракать с дровичами из гольф-клуба или насладиться мартини в обществе женщин со стройными, точеными, как хрустальный бокал, фигурами.

Вивасия не давала ему ничего. Даже не смотрела в его сторону, хоть он и пытался проявлять вежливый интерес.

На гребне холма Роб останавливается и, уперевшись руками в колени, кашляет, выхаркивая мокроту из-за сигар, которые так любит вдовушка Рут, — маленьких коричневых черут. Вивасия видела, как он брал их у нее, вероятно не смея отказаться, чтобы не показаться грубым, а потом подсел на них.

Возле колодца раздается какой-то шорох. Вивасия выходит из подлеска, и ей уже все равно, видит ее Роб или нет, хотя одновременно она задается вопросом, что он увидит, если/когда взглянет на нее.

Вивасия, стараясь дышать ровно, подходит к колодцу и протягивает руки. Они послушно поднимают свои, повторяя движение Вивасии, и вкладывают маленькие ладошки в ее ладони. И в тот же миг мир вокруг вспыхивает яркими красками.

Вот чего она ждала! Они вернулись к ней, хотя прошло так много времени.

— Идем, Элизабет, пошли, Алекс, — бормочет Вивасия. — Идите домой.

На обратном пути детские пальчики обвиваются вокруг ее пальцев. Ощущение такое неестественное, будто малыши не привыкли держаться за руку взрос-

лого человека. Вивасия с нежностью глядит на их головки. Она не видела детей четыре года.

Женщина сжимает их руки в своих, преисполненная радости или безумия — это так тесно связано, — и дети с любопытством смотрят на нее, а потом быстро отводят взгляд.

Вивасия думает о приемных детях, которых раньше брала под опеку: некоторые из них, когда приезжали, не могли даже поднять на нее глаз. Но как же далеко они продвигались впоследствии! Как вырастали во всех отношениях под ее присмотром! Они расцветали, пока... пока однажды все это не прекратилось...

Она непроизвольно крепче сжимает детские ручонки, может слишком сильно, потому что мальчик начинает дрожать. Его сестра смотрит на него, и под ее взглядом он успокаивается.

Воздух вокруг них становится прозрачным, день вступает в свои права. Вивасия резко останавливается. Волчья Яма — замкнутое сообщество жителей, и все они до единого будут следить за ней с детьми. Неизменно стоящая на посту Джеки Дженкинс уже осталась позади.

Вивасии больше нельзя брать детей на попечение, и найдется немало дотошных граждан, которые сразу донесут на нее, как сделали в прошлый раз.

Она дергает детей за руки, не грубо, но достаточно сильно, чтобы стало понятно: они меняют направление.

— Теперь мы пойдем домой, — говорит Вивасия. — Сюда.

На ходу она окидывает детей взглядом. Элизабет одета в платье из темного вельвета. На Алексе — ру-

башка, которая, вероятно, когда-то была его лучшей, выходной, но теперь превратилась в обноски. Джинсы у него коричневые, однако, приглядевшись, Вивасия понимает, что раньше они имели обычный темно-синий цвет. Одежда на обоих влажная, то ли от дождя, то ли от росы на траве.

Вивасия идет вперед и тянет за собой детей. Не страшно, что у них ничего нет, бывало и похуже. Однажды к ней попала малышка, завернутая в полотенце, да еще в старое и жесткое. Вивасия сорвала его, как только соцработница передала ей девчущку, и сразу надела на нее новехонькую пижаму. Именно на такой случай в доме у Вивасии всегда лежала наготове стопка новой детской одежды разных размеров. Правда, в последнее время применения ей не находилось. Имя Вивасии больше не значилось в списке тех, кто может срочно прийти на помощь. Его не было вообще ни в каком списке. Но от одежды она не избавилась. Знала, что дети в ее жизни еще появятся. И упорно молила Бога, в которого не верила, чтобы такой день настал.

На главной дороге Вивасия затаивает дыхание. К ее дому можно подойти сзади, в том месте, где рядом с покореженным железным столбом отвалилась одна из секций забора, что ничуть не беспокоит остальное сообщество, ведь это далеко от их домов, а потому не является пятном на созданном ими безупречном жизненном пространстве.

Но почему нужно скрываться? Вивасия не делает ничего плохого, за исключением того случая. Да и тогда во всем был виноват *он*, а не она, однако *его* больше здесь нет, чтобы ответить за все.

Вивасия решительно вздергивает подбородок — бравада, о которой она, может быть, еще пожалеет. А теперь... Она так долго ждала этого дня. Пусть смотрят, пусть приходят.

Сжав еще раз в своих руках маленькие холодные ручки, она проскальзывает в калитку, до сих пор открытую настежь, и ведет детей к своему дому.

На кухне Вивасия вместе с детьми подходит к столу. Стол — сердце дома, так говорила мать, а ей — ее мать раньше, когда они обе были еще живы. Вивасия соглашалась с ними, пока были люди, собиравшиеся за этим столом. *Он* сидел за этим столом, когда был здесь, и дети. Другие — тоже. Друзья, как она их называла тогда, теперь — просто соседи. Подавали чай и разные напитки, в том числе шипучие, которые так любят дети, но она всегда стремилась соблюдать баланс между шипучками и более здоровым питьем.

Много детей прошло через этот дом, но последние двое — те, что теперь вернулись, стали для нее как родные. В родительском доме их не ждало ничего; пребывание здесь, с ней, было не просто передышкой от жизни с вечно скандалящими матерью и отцом. Впервые Вивасия осмелилась надеяться, более того, она начала задумываться, не усыновить ли их.

Такая тонкая линия разделяет опеку и настоящий прием в семью. В тот раз она дерзнула начать приготовления к последнему.

Тут все и случилось, детей забрали. Потом ушел *он*, и хотя его больше не было, ее имя внесли в какой-то черный список, да там оно и осталось.

Детям здесь больше находиться нельзя.

Прислонившись к раковине, Вивасия ощущает легкий трепет от того, что сделала сегодня — снова привела в дом детей.

— Вы голодные? — спрашивает она, а они смотрят на выдвинутые для них стулья. — Все хорошо, вы можете сесть, — добавляет Вивасия.

Дети не двигаются, а угрюмо таращатся не пойми куда, как будто Вивасии здесь вовсе нет.

При полном свете дня, который льется внутрь сквозь стеклянные двери на террасу, Вивасии удастся хорошенько разглядеть их. Волосы у обоих длинные, темные, но не глубокого каштанового цвета, как у нее, а почти черные.

В животе у Вивасии вдруг что-то словно обрывается. Неприятная мысль пронзает ту часть ее сознания, которая еще сохраняет способность к здравомыслию.

Эти дети — не Алекс и Элизабет. Хотя те двое были крохами, когда она видела их в последний раз, в глубине души она понимает, что в конце концов севшие за стол дети — не они.

Она пытается успокоиться. Все хорошо. Как бы то ни было. Эти — тоже дети, и они пришли к ней. Они выбрали ее.

Вивасия, прищурившись, глядит на них. Думает, что, если она вымоет им волосы, дети вполне могут оказаться блондинами. Глаза у обоих одинаково зеленоватые, с оттенком изумрудного, яркие, но их портят покрасневшие веки и белки с лопнувшими сосудами. У Алекса и Элизабет глаза были пронзительно-голубые, а волосы светлые с розовинкой — тонкие, пушистые волосики на макушке, которые, Вивасия знала, когда отрастут, станут совсем рыжими. Она надеялась увидеть это. Но...

Вивасия встряхивает головой, чтобы отогнать болезненные воспоминания.

Но боже, какие худые эти дети! Они грязные, явно недокормленные, глаза у них тусклые, веки тяжелые, как будто они то ли хотят спать, то ли недавно проснулись.

А кожа... Она какая-то нездоровая. Что-то с этими детьми не так.

Как бывшая приемная мать, она видела всякое. Малыши попадали к ней голыми, бледными, в синяках и ссадинах. Только начавшие ходить воняли своим калом, вопили от страха при виде подгузников, которые она им пыталась надеть; никогда в жизни они не встречались с чем-то подобным, не чувствовали их на своей коже. Дети постарше — с большими пустыми глазами, впалыми щеками и привычкой вздрагивать, стоило ей невзначай слишком быстро двинуть рукой. Но тяжелее всего было с самыми старшими, которые за маской агрессии скрывали свой стыд за ночное недержание мочи.

Но эти двое... Их кожа... Это не синяки. Она имеет какой-то неестественный оттенок.

Вивасия думает о колодце Девы и старых народных сказках про существ, которые выходят через него на поверхность из других мест, других миров, других вселенных.

Она издает нервный смешок.

Городской фольклор.

Набрав в грудь воздуха, Вивасия обращается к девочке. Прежние надежды не желают развеиваться так быстро.

— Ты... Тебя зовут Элизабет? — Вивасия делает шаг к столу, к детям.

Те вжимаются в спинки стульев, их плечи соприкасаются, будто притянутые друг к другу какой-то магнетической силой. Оба молчат.

В бесконечной тишине стук во входную дверь заставляет Вивасию вскрикнуть. Она прикрывает рот рукой, торопливо извиняется и одновременно клянет про себя того, кто стоит за дверью. Дети никак не реагируют. Будто не слышали ни стука, ни вскрика Вивасии.

— Оставайтесь здесь, — распоряжается она.

Прикрывает за собой дверь на кухню и спешит в прихожую, бормоча под нос ругательства. Она понимала, что люди станут следить за ней, но надо же иметь совесть: пяти минут не прошло, как она забрала детей у колодца Девы, а уже кто-то барабанит в дверь.

Еще одна ужасная мысль — а вдруг на крыльце стоят родители?

Вивасия, бранясь сквозь зубы, распахивает дверь.

При виде стоящего за ней человека она моргает глазами:

— Ах... Это ты...

— Привет, — говорит Роб, не такой уж новый человек в их сообществе.

Вивасия могла бы побиться об заклад, что вместо него увидит кого-нибудь другого. Конечно, не Джеки Дженкинс — та ни с кем не разговаривает, только наблюдает за всеми издали. Не мистера Бестилла — он никогда не поднимается с постели раньше полудня. Но кого-то вроде Рут или новичков, которые не постыдятся сразу лезть со своими расспросами.

С этими людьми она справится, все-таки выросла с ними или привыкла к ним, да и есть в ней кое-что

от матери и бабушки. Но Роб... Он другой. Он не принадлежит этому месту, и ему не следовало бы показывать такую самоуверенность, хотя люди вроде алкаша Бестилла, шишек из гольф-клуба и даже новых богатеев приглашали его в свой ближний круг.

Вивасия не проявляла к Робу особого дружелюбия. Она помнит, как впервые повстречалась с ним. Он спросил, может ли называть ее Ви. Она ответила «нет» и что ее имя Вивасия. Затем, сковав себя холодом, чтобы скрыть внезапно охватившее ее теплое чувство, заявила, что ему вообще не нужно никак ее называть.

Теперь Вивасия смотрит на Роба, но не прямо, а чуть поверх его плеча, чтобы избежать смущающего взгляда.

— Они в порядке? — спрашивает он.

— Что? — не понимает она, борясь с паникой. — Кто?

Роб нетерпеливо взмахивает рукой:

— Эти дети. Они были у колодца Девы. Я сперва не понял, что там. — Он замолкает, чтобы отдышаться, немного подается вперед, как будто примчался сюда бегом. — Они твои?

Какой трудный вопрос. Если Роб проводил время с местными, а он это делал, то должен знать, что дети не ее. Стоит сболтнуть лишнее, и ее слова станут известны всем, кто следит за ней. Лучше промолчать.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Вивасия, уклоняясь от ответа. Огромный рюкзак виднеется из-за плеча Роба. — Ты переезжаешь?

Она случайно ловит его взгляд и опускает глаза, но все равно успевает заметить искру в его фиоле-

товых зрачках. Про себя чертыхается. Это первый в жизни вопрос, который она задала ему, несмотря на его многочисленные попытки завязать разговор.

Молчание тянется так долго, что Вивасия осмеливается покоситься на Роба. На его лице — забавная смесь горести и надежды.

— Может быть, вскоре, — отвечает он смиренным тоном. — Просто хотел заглянуть и убедиться, что с ними... — он указывает рукой внутрь дома, — все в порядке.

Вивасия вздрагивает, оправляется от испуга и делает шаг назад.

— С ними все хорошо. — Она кивает Робу, холодно, спокойно, вежливо, но ничего не предлагает.

Роб не двигается.

Вивасия чувствует, что сдувается. Ей необходимо каким-то образом заставить его уйти.

— Спасибо тебе. — Она улыбается, хотя уже так давно не улыбалась мужчинам, что уверена — ее улыбка напоминает скорее оскал. — Пока, — добавляет Вивасия и быстро захлопывает дверь.

Путь от двери до кухни занимает секунды, но за этот короткий срок она проникается уверенностью, что детей не увидит. Они исчезли так же быстро, как и появились. Подобно всем прочим детям до них.

Вивасия резко открывает дверь на кухню и с некоторой печалью понимает, что мальчик и девочка сидят там же, где она их оставила. На месте, как им было сказано. Но разве дети ведут себя так? Если только их не вымуштровали.

Вколотили послушание.

Они даже не изменили позы, так и сидят за столом плечом к плечу. Мальчик смотрит на плиту. Глаза

у него большие и круглые, веки покраснели от усталости. Девочка — рядом с ним, но глядит прищурившись, почти с подозрением. Провожает взглядом Вивасию, пока та обходит стол, выдвигает из-под него стул, садится и рассматривает их.

Она дала бы им лет по пять. Они грязные, нечесанные и худые до такой степени, что можно подумать, будто их морили голодом. И еще эта странная кожа...

— Вы можете назвать ваши имена? — тихо спрашивает Вивасия.

Никакого отклика — ни ответа, ни движения, ни другой реакции.

Она переводит взгляд на мальчика:

— Ты Алекс?

Он смотрит на плиту.

— У вас есть мама? — Вивасия затаивает дыхание.

Хотя она и смеет надеяться, но знает: это так не работает. Дети не бездомные кошки, которых она может напоить, накормить, а потом они поселятся в ее доме и уютно устроятся там. Нельзя просто подобрать двоих детей на улице и оставить их у себя.

Или можно?

Ей?

Отчаявшаяся ее часть думает, что можно. Этих детей явно не любят, не хотят — только взгляните на них! Если за ними явится мать, Вивасия будет драться с ней, прежде чем отдаст их.

В церковь она не ходит. Ноги ее не было ни в одном храме после всех похорон четыре года назад. В отличие от большинства жителей поселка и несмотря на то, что она постоянно молится, Бога Вивасия сторонится. Его не может быть, раз столько всего ужасного

ДЖ. М. ХЬЮИТТ
ИДЕАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Елена Ступненкова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Светлана Федорова, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.05.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа	«Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,	„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, г. Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А,	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

Y-ABB-35178-01-R